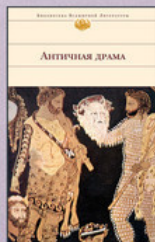

Еврипид

Андромаха

*Часть сборника
Античная драма (сборник)*

Еврипид

Андромаха

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=642555
Античная драма: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-13321-6, 978-5-699-21133-3*

Аннотация

Трагедия была поставлена в середине 420-х годов. В ней "тroyанский цикл", посвященный судьбе пленников ("Троянки", "Гекуба"), соединяется с историей рода Атридов, причем мы видим Ореста уже после того, как он "стал Орестом".

Неоптолем, сын Ахилла, подоспев к концу войны, нанес Трое решающий удар. Ему досталась в награду вдова Гектора, Андромаха, а Менелай отдал юноше свою дочь – Гермиону. Гермиона бездетна, ревнива и пытается извести Андромаху. Орест в свою очередь стремится погубить Неоптолема, чтобы взять в жены Гермиону.

Множество персонажей с подробно и сложно разработанными характерами, запутанная интрига, ряд перипетий – все это сделало "Андромаху" одним из любимых образцов для подражания.

Содержание

Действующие лица	4
Пролог	5
Парод	14
Эписодий первый	17
Стасим первый	29
Эписодий второй	32
Стасим второй	43
Эписодий третий	45
Стасим третий	65
Эписодий четвертый	68
Эписодий пятый	75
Стасим четвертый	87

Еврипид

Андромаха

Действующие лица

Андромаха

Рабыня

Хор фтийских женщин

Гермиона

Менелай

Мальчик, сын Андромахи

Пелей

Кормилица

Орест

Вестник

Фетида

*Действие происходит во Фтии, перед дворцом
Неоптолема и святилищем Фетиды.*

Пролог

Андромаха

(у алтаря Фетиды)

О город Фив¹, краса земли азийской,
Не из тебя ль с усладой золотой
Увезена, очаг царя Приама
Узрела я, чтоб Гектору женой
Мне стать, детей ему рождая? О,
Завиден был ты, жребий Андромахи!
Сегодня ж... есть ли женщина, меня
Несчастнее? Я Гектора, Ахиллом
Убитого, видала, на моих
Глазах дитя мое, Астианакта,
От Гектора рожденного, с высокой
Ахейцы башни сбросили, копьем
Взяв Илиона землю... Я ж, увы!
Рабынею я, дочь не знавших ига,
Увидела ахейский небосклон.

¹ О город Фив — Андромаха была родом из мизийских Фив, в Малой Азии.

На острове рожденный, как добычу
Отменную, меня Неоптолем
К себе увез из Трои... и в равнине,
Где фтийские с фарсальскими сады
Сливают тень, я обитаю... Эти
Когда-то, брак с Пелеем заключив,
Поля себе избрала Нереида,
Таясь толпы... И фессалийский люд
Фетиды им оставил имя, гордый
Невестою Пелея. Внук его
Фарсальское оставил царство деду;
У старика он скипетра из рук
Не хочет брать... А я в чертоге фтийском
С Ахилловым наследником, моим
Властителем, соединившись, сына
Ему дала. Сначала, и бедой
Повитая, я берегла надежду:
Вот вырастет ребенок – будет мне
Опорою среди беды... Но ложе
Мое презрев невольничье, – увы! —
Лаконянку в супруги Гермияну
Взял повелитель мой, и с этих пор
Гонима я: царица уверяет,
Что снадобьем неведомым ее
Бесплодную я сделала и мужу
Постылою и будто я хочу
Ее занять в чертоге место, силой
Законную супругу удалив.
Неправда это. И тогда неволей

Его прияла ложе я – свидетель
Великий Зевс тому; теперь же, с ним
Разлучена, вдовою я живу.
Но убедить нельзя ее, и смерти
Моей царица ищет. С ней отец
Соединил и Менелай заботы...
Он здесь теперь... Чтоб дочери помочь,
Из Спарты он приехал... Ужас бледный
Меня загнал в соседний с домом храм
Фетиды: жизнь богиня не спасет ли?
И сам Пелей, и царский род его
Лелеют храм, который миру память
О браке Нереиды бережет...
А сын его чтоб не погиб, я тайно
Его к чужим послала... С нами нет,
Увы! – того, кем он рожден, и сыну
Ничто теперь Неоптолем, и мне...
Царь в Дельфах, – он за гнев безумный платит:
Когда отца убили у него²,
Он Феба звал к ответу в том же храме,
Где молит о прощении теперь,
Чтоб возвратить себе улыбку бога...

Из дворца выходит троянская рабыня.

² Ахилл был убит стрелой Париса, направленной рукой Аполлона. Еврипид выбирает версию мифа, согласно которой Неоптолем разгневал бога, проклиная его за смерть отца.

Рабыня

О госпожа! Звать именем таким
Я не боюсь тебя... Я помню – имя
Достойно ты носила это, в Трое
Когда еще мы жили и тебе
И Гектору покойному служили
Мы всей душой... С вестями я к тебе...
Чтоб из царей кто не проведал, страшно,
Да и тебя-то жалко... Берегись:
Недоброе замыслили спартанцы.

Андромаха

О милая подруга! Для меня,
Твоей царицы прежней, ты – подруга
В несчастиях... Придумали-то что ж?
Какую сеть для Андромахи вяжут?

Рабыня

О горькая! Они горят убить

Рожденного и скрытого тобою.

Андромаха

О спрятанном проведали?.. О, горе!
Откуда же? О, смерть, о, злая смерть!

Рабыня

Не знаю уж откуда, но слыхала,
Что Менелай отправился за ним.

Андромаха

Погибли мы – два коршуна захватят
И умертвят тебя, мой сын; а тот,
Кого зовут отцом твоим, не с нами.

Рабыня

Да, при царе ты б, верно, столько мук
Не приняла – друзей вокруг не видно.

Андромаха

Но, может быть, Пелей... Как говорят?

Рабыня

Когда б и здесь он был, старик не помощь.

Андромаха

К нему гонцов я слала и не раз...

Рабыня

Гонцов... да, как же! До тебя ль им ныне?

Андромаха

Но если б ты к нему пошла... Что скажешь?

Рабыня

Чем долгую отлучку объясню?

Андромаха

Ты женщина, тебя ль учить уловкам?

Рабыня

Опасно: зоркий глаз у Гермiony.

Андромаха

Вот видишь ты... В беде и друг с отказом.

Рабыня

Нет... подожди с упреками – к Пелею
Я все-таки пойду... А коль беда
Со мною и случится, – разве стоит
Рабыни жизнь, чтоб так щадить ее?

Уходит.

Андромаха

Иди. А я, привычная к стенаньям
И жалобам, эфиру их отдам.
Природою нам суждено усладу
Тяжелых бед в устах иметь, и слов
Для женщины всегда отрада близко.
Одно ли мне в груди рождает стон
Несчастье? Где Фивы? Где мой Гектор?
Как жребий мне суровый умолить,
Что без вины меня рабыней сделал?
Нет, никого из смертных не дерзай
Счастливым звать, покуда не увидишь,
Как, день свершив последний, он уйдет.

В Трое Парис не невесту, он в Трое только слепое
Миру безумье явил, ложу Елену отдав.

Из-за нее и тебя на сожжение и тяжкие муки
Тысяче вражьих судов бурный оставил Арес.

Горе... О, Гектор, о, муж – и его вокруг стен Илиона
На колеснице повлек сын Нереиды, глумясь...

Следом и мне, уведенной на брег из чертогов
Приама,

Горького рабства позор тяжкие косы покрыл...

Сколько я слез пролила, покидая для дальнего
плена

Город и брачный чертог, мертвого мужа в пыли...

Или вам надо еще и рабыню спартанской царевны,
Солнца лучи, обливать, если, измучена ей,

Я, изваянье богини с мольбою обвивши руками,
Стала скалой и одни слезы лучам отдаю?

Парод

К Андромахе приближается хор фтийских жен.

Хор

Строфа 1

Долго, жена, ты сидишь на пороге и храма Фетиды
Будто покинуть не смеешь.
Фтии я дочь, но к тебе прихожу, азиатка; нельзя ли
Чем облегчить
Мне муку твою и петли распутать?
Те петли вражды ненавистной, которые вяжет
Тебе Гермiona,
Горькой участнице брака
С Неоптолемом двойного?

Антистрофа I

Только подумай, какой безысходной ты муки
добилась,

Споря с царицей надменно...
Дочь Илиона, равняясь с рожденными в Спарте
царями,
Не умоляй
Алтарь, где овец богине сжигают,
И дом Нереиды! Зачем, изнывая от плача,
Ты хочешь обиду
Горшую видеть и муки?
С сильными споры безумны.

Строфа II

Женщина! Лучше покинь блестящий приют
Нереиды:
Ты на чужбине,
Страны ты далекой добыча.
Разве кого из друзей,
О злополучная, здесь ты увидишь,
О жертва горького брака?

Антистрофа II

Жребий твой слезы, троянка, вздымает в груди
приближенных

Фтийского дома,
И только из страха мы молим,
Жалобы в сердце тая,
Чтобы Кронидовой дочери чадо³
Приязни сердца не зрело.

³ *Кронидовой дочери чадо* — Гермiona, дочь Елены, рожденной от Зевса.

Эписодий первый

Из дворца выходит Гермiona.

Гермиона

Мой золотом сияющий убор
И пестрые одежды не видали
Ахиллова дворца, и ими нас
Не награждал Пелей... Лакедемона
Они отрадный дар, и мой отец,
Царь Менелай, приданого немало
Со мной прислал. Вот отчего мне уст
Речами вы не заградите, жены...
И ты, раба, добытая копьем,
Ты завладеть чертогом царским хочешь,
Нас выбросив? Ты зельями жену
Законную постылой мужу сделать
И семена в ней погубить горишь?
Ваш род хитер там, в Азии, я знаю,
Но есть узда и на коварных жен.
Ни этот дом Фетиды, ни алтарный
Ее огонь, ни храм не сберегут
Тебя, жена, и ты умрешь. А если
Спасти тебя иль смертный, или бог
Какой-нибудь захочет, то придется,

С гордынею расставшись, тебе
Униженно и трепетно колени
Мои обвить, полы мести, водою
Проточною из урны золотой
Мой дом кропить руке твоей придется.
Давно пора припомнить, что за край
Вокруг тебя; ни Гектора, ни свекра
Приама нет с тобой. В Элладе ты...
О, дикости предел... или несчастья...
Делить постель рожденного царем,
Которым муж убит, и кровь убийцы
Переливать в детей... Иль весь таков
Род варваров, где с дочерью отец,
Сын с матерью мешается, и с братом
Сестра живет, и кровь мечи багрит
У близких, а закон не прекословит?..
Нет, не вводи к нам этого!.. У нас
Не принято, чтоб дышло разделяло
Двух жен царя, и если дома мир
Кто соблюсти желает, тем Киприды
Довольно и одной для глаз и ложа...

Корифей

Да, женщинам дележ не по душе,
А если он на ложе, – и подавно.

Андромаха

Увы! Увы!

О, молодость пощады не дает⁴,

Когда она задумала обидеть.

Боюсь: слова рабыни, пусть они

И истиной сияют, ты отвергнешь.

И одолеть боюсь тебя: одно

От торжества нам горе. Не выносят

Надменные от слабых, госпожа,

Слов истины победных... Но в измене

Самой себе меня не уличат.

О, если бы ты, юная, открывала

Мне тайну победить тебя сама!..

Иль Троя Спарты больше? Иль спартанки

Счастливей я? Свободнее ее?

Или занять твою надеюсь ложе

Затем, жена, что юностью цвету,

Ланитами и золотом сияю

Иль верными друзьями? Может быть,

Ты думаешь, что мне, жена, отрадно

Унылый груз рабов твоих влачить?

Иль если бы бесплодной навсегда

Осталась ты, тогда бы царство Фтии

Народ доставил сыновьям моим?
Меня ведь любят эллины – не так ли —
За Гектора? Иль, может быть, ничтожной
Была я там, а не царицей Трои?
Нет, если муж не любит, колдовство
Напрасно ты винишь; свою негодность
Вини скорей. Есть зелья в нас самих, —
И не краса, не думай, – сердца чары
Пленяют дух мужей. Тебя ж едва
Что огорчит – ты тотчас Спарту славishi,
А дом царя порочишь. Ты одна
Богатая, все – нищие, и выше
Пелида Менелай. Вот отчего
Царю ты не угодна. Женам надо
Любить мужей и слабых и сердец
Сварливым нравом не тревожить их.
Когда б царю фракийскому была ты
В страну потоков снежных отдана,
Где делит муж меж жен, и многих, ложе —
Что ж? Иль и там соперниц истреблять
Искала б ты, чтоб укоряли жен
Из-за тебя в неутолимой жажде...
Кто ж не поймет, что женщине больней
Ее недуг любовный, чем мужчине!
Но мы таить его умеем... О,
О Гектор мой, когда порой Киприда
Тебя с пути сводила, я тебе
Прощала увлеченья, я рожденным
Соперницей не раз давала грудь...

Я не хотела, чтоб осталась горечь
В твоей душе: лишь нежностью тебя
Я возвращала ложу... Ты ж, царица,
Над мужем ты дрожишь, росе небес
Своею каплей нежной не даешь ты
Его коснуться даже... Берегись,
Чтоб мужелюбьем матери тебе
Не постыдить!.. Нет, детям, если разум
В них не погас, с порочных матерей
Не брать бы, кажется, примера лучше...

Корифей

О госпожа, пока легко, склонись
На слово примиренья, если можно...

Гермиона

Шумиха слов! О скромности фиал,
Ты на мою нескромность даром льешься!

Андромаха

Нескромность, да... твоих недавних слов...

Гермиона

От разума иных подальше б только...

Андромаха

Стыда в вас нет, о юные уста!

Гермиона

Он в замыслах рабыни молчаливых?

Андромаха

Любовных ран ужель нельзя таить?

Гермиона

Для женщины Киприда – все на свете.

Андромаха

Для скромной, да... Но разве ты скромна?

Гермиона

Не варваров царит у нас обычай!

Андромаха

Позор, жена, и там и здесь – позор.

Гермиона

Умна ты, да! А вот спасись, попробуй.

Андромаха

На нас глядит Фетида, постыдись!

Гермиона

Тебя она за сына ненавидит.

Андромаха

Нет, дочь его убийцы⁵ – это ты!

⁵ *Дочь его убийцы* — поскольку Елена причина гибели Ахилла, как и множества других греков.

Гермиона

Какая дерзость эту рану трогать!

Андромаха

О, скованы уста мои... молчу...

Гермиона

Зачем молчать, когда ответ мне нужен?

Андромаха

Ты не по-царски мыслишь – вот ответ.

Гермиона

Покинь сейчас алтарь богини моря!

Андромаха

Ты поклянись, что не убьешь меня.

Гермиона

Не мужа ждать для этого я буду...

Андромаха

Но раньше я не сдамся, не мечтай!

Гермиона

Вот подожгу тебя, и горя мало.

Андромаха

Мечи огонь! Богов не ослепишь...

Гермиона

Ты боль от ран почувствуешь на теле.

Андромаха

Режь! За алтарь окровавленный свой,
Ты думаешь, богиня не накажет?

Гермиона

О, варваров бесстыдная отвага...
Над смертью ты глумишься. Но тебя
Я уберу, и скоро. Знаешь, даже
Без всякого насилья. Уж таков
Силок мой новый, женщина. Ни слова

Покуда не открою, пусть само
Себя покажет дело. Оставайся,
Пожалуй, там; но если б и свинец
Расплавленный сковал тебя с подножием, —
Пелидов сын, твоя надежда, здесь
И не мелькнет еще, а я успею
От алтаря в силки тебя завлечь...

Уходит в дом.

Андромаха

Да, в нем одном надежда... От укуса
Змеиною лекарство знает ум
Божественный для смертных, и ехидны,
И пламени загладятся следы, —
Лишь женщина неисцелимо жалит...

Стасим первый

Хор

Строфа I

Бедствий великих вина,
О, для чего ты, Кронида
Сын и Майи рождение,
Блеском одев золотым,
Трех дивных богинь колесницу
Везти заставил свою?..
Враждой ненавистной
Пылавших, кому красоты
Пастух одинокий
Присудит награду
В тихом своем жилище?

Антистрофа I

Рощей кудрявою склон

Иды покрыт был, и, в горных
Волнах омыв серебристых
Белые раньше тела,
Парису богини предстали.
Был жарок спор их... Но приз
Киприде достался...
Словами, полными нег,
Она победила,
Но горькими Трое,
Гордым ее твердыням...

Строфа II

О, зачем Париса мать щадила,
Над своим страданьем задрожав?
Пусть идейских бы он не узрел дубрав!
Не о том ли вещая вопила,
Феба лавр в объятиях зажав,
Чтоб позор свой Троя удалила?
Иль старшин Кассандра не молила,
К их коленям, вещая, припав?

Антистрофа II

Дочерей печальных Илиона
Не коснулось иго бы... А ты,
О жена, с твоей блестящей высоты
Не упала б в эту бездну стона...
И моей земле бы не пришлось
Десять лет поить железо кровью.
Сколько слез бы, верно, к изголовью
У старух⁶ припавших, не лилось!

⁶ У *старух* – в подлиннике “осиротелые старики”. Интерес Еврипида к разным возрастам человека проявляется здесь в том, что одним из персонажей выступает старик Пелей, лишившийся под Троей сына, а в этой трагедии теряющий внука. В сцене, когда Пелей спасает Андромашу и ее рожденного от Неоптолема сына, происходит редкое не только для греческой литературы событие – встреча прадеда с правнуком.

Эписодий второй

Входит Менелай, ведущий мальчика, сына Андромахи.

Менелай

Ну, женщина, вот сын твой. Ты его
От дочери напрасно затаила...
Ты думала, кумир тебя богини
Спасет, его ж – друзья твои. И вот
Перехитрил тебя спартанец... Если
Священного подножия сейчас
Ты не захочешь бросить, я зарежу
Перед тобой птенца. Скорее взвесь,
Что выберешь: самой лишиться жизни
Или дитя за материнский грех,
Который предо мной ты совершила
И дочь мою, отдать ножу?

Андромаха

О слава! Скольким тысячам ты гребень

Над головой вздымаешь, хоть они
В ничтожестве зачаты... Если правдой
Ты вызвана на солнце, слава, голос
Благословляю твой. Но если ложь
Тебя родит, тебя я не признаю
Наградой доблести, – лишь счастья даром.
И это – ты? Ты – вождь, ахейский вождь,
Вождь избранных, завоеватель Трои, —
И дочери, почти ребенка, ты
Слугою стал, с ней гневом пышешь, женам,
Задавленным несчастьями, войну
Кичливо объявляешь? О, неужто ж
Ты Трою взял действительно и пасть
Перед таким могла героем Троя?
Снаружи лишь, о призрачный мудрец,
Блистаешь ты – природой нас не выше,
Хоть, точно, в золоте большая сила.
Нет, Менелай, окончим разговор.
Ведь если я умру, – одно бесславье
Да прозвище убийцы дочь твоя
Добудет, царь. Да и тебе, подручный,
Без пятен на хитоне не уйти...
А выбери я жизнь и дай ребенка
Тебе убить, – что ж, думаешь, отец
Без должного возмездия оставит
Поступок ваш? Под Троей заслужил
Он, кажется, не труса имя. Сын
Ахиллов он и внук Пелея: это
Пришлось бы вам припомнить, Менелай...

Он дочь твою прогонит. И, другому
Потом ее вручая, чем, скажи,
Ты объяснишь разлуку с первым мужем?
Иль строгостью ее, что выносить
Порочного супруга не хотела?
Но ведь не скроешь правды. Да и кто
Возьмет ее? Иль до седин вдовицу
Сам украшать оставишь ты чертог?
Грядущих зол потока ты не видишь
Над головой, безбожник! Предпочел
Соперниц бы и многих и обидных
Их ужасу, конечно, ты, его
Когда бы мог представить. Бед великих
Не создавай из мелочей пустых.
Мы, женщины, ужаснейшее зло;
Но вам, мужчинам, кто велел – природе
Уподобляться женской? Вот и ты:
Ты дочери поверил, что ее
Бесплодную я делаю; поверь же
И мне, что слова я наперекор
Не молвлю и алтарь оставляю, если
Твой зять решит, что я виновна. Кто ж
Бесплодие жены больше мужа
Почувствует, спартанец? Все теперь
Сказала я и жду... В тебе же, царь,
Меня одно страшит: ведь и фригийцев
Из-за жены ты некогда сгубил.

Корифей

Так говорить с мужчинами – не то же ль,
Что выше цели брать?.. Удар пропал...

Менелай

Так, женщина, все это мелко: трона
Спартанского или Эллады вы
Не стоите, конечно, как добыча
Победная. Но сердце утолить
Нам иногда отраднее, чем Трою
Сломить и взять. А дочери помог
Не в пустяке я даже – потерять
Имущество для женщины печально,
Но мужа ей лишиться прямо смерть...
Ну, а рабы! Мои ль Неоптолему
Его ли мне, неужто их делить?
Да, у друзей нет своего, коль точно
Они – друзья, все общее у них...
И если бы кто дожидаться вздумал
Для личных дел приезда друга, он
Не мудрость бы тем показал, а трусость...
Ну, будет же, спускайся к нам, святых

Не бремени. В тебе спасенье сына...
Себя ж спасая, ты его убьешь:
Из вас двоих один на свете лишний.

Андромаха

Увы! Увы! О выбор, горек ты!
Жизнь или смерть? Ужасен жребий смерти,
А вынуть жизнь – ужасней, может быть.
Ты, малую в пожар раздувший искру,
За что меня ты губишь, отвечай!
Иль предала какой я город? Или
Я из детей зарезала кого
Твоих? Где дом, который подожгла я?
Насилием – владыки своего
Я разделила ложе... Я ль виновна?
Царя казнить ты должен бы; чего же
Источник зла обходишь ты – и струйку
Стараешься далекую засыпать?
О, муки! Ты, о город мой... за что,
За что терплю? Я для того ль рождала,
Чтоб, цепь на цепь надев, носить двойную?
К чему мне жить? На что направить взор?
На то ль, что есть? На то ль, что раньше было?
Я видела, как Гектора колеса
О землю били до смерти. Пылал
Передо мною город, и за косы

На корабли ахейские меня
Рабынею влачили – я справляла
Во Фтии брак с убийцы сыном... Нет,
К чему скорбеть о прошлом, если слез
Едва хватает для насущных бедствий?
Как свет очей, один мне оставался
Мой сын. Его хотят убить... За что,
Не знаю, только не за то, что солнце
Мне, матери, так дорого. О нет...
В спасении его вся жизнь! И видеть,
Что он не дышит больше... О, позор...
Гляди же, царь... Алтарь оставлен... В руки
Я отдаюсь твои: души меня,
Закалывай, вяжи, за шею вешай...
Дитя мое, я мать, и, чтобы ты
Не умер, я иду к Аиду. Если
Ты избежишь судьбы, не забывай,
Что вынесла я, умирая; шею
Отцовскую обвив, средь поцелуев
И слез, дитя, скажи ему, что видел.
Да, для людей ребенок, это – жизнь,
И если кто бездетный в неразумье
Меня корит – от боли острой он
Хоть и ушел, но верьте: этот муж
Несчастьем большим счастье окупает.

Корифей

Я слушала ее с глубокой скорбью:
Несчастье и вчуже слезы нам
В глазах родит. Ты должен бы, спартанец,
Свести ее с царевною своей
И примирить, освободив от муки.

Менелай

(рабам)

Гей... взять ее да крепче руки спутать!
Живей, рабы... Тяжелые слова
Придется ей услышать.

(К Андромaxe.)

Я обманом
Тебя совлек, жена; иначе как
Тобою бы я завладел, священный

Алтарь не оскорбляя? О тебе,
Пожалуй, и довольно. Что ж до сына,
Царица-дочь решит, казнить иль нет
Его, а ты в чертог ступай. Забудешь
Надменностью свободных удивлять.

Андромаха

Увы! Увы! Опутана обманом!

Менелай

Всем объявляй... Действительно обман...

Андромаха

Иль на берегах Еврота это – мудрость?

Менелай

Обиды мстить умел и Илион.

Андромаха

Иль боги уж не боги и не судят?

Менелай

Пусть судит бог; я все ж тебя казню...

Андромаха

И этого птенца – ужели тоже?

Менелай

Я – нет... Пусть дочь, коль хочет, и казнит.

Андромаха

Он порешен тогда... Вы, слезы, лейтесь!

Менелай

Не поручусь и я, что будет жив.

Андромаха

О ты, народ, для мира ненавистный
И Спартою надменный... Ты коварств
Советчик, царь над ложью, хитрый швец
Из лоскутов порока, о, нечистый,
Увертливый, змееподобный ум!..
Не стоите удачи вы, спартанцы;
Рекою кровь вы льете, до прибытка
Лишь алчные, с речами между губ
Не теми, что в сердцах. О, пусть бы вовсе
Вас не было на свете... Мне же, царь,
Не так уж горько, как ты думал. Раньше,
Давно, я умерла с свободой нашей,

С тем Гектором, чей меч тебя не раз
В судов стоянку загонял, – ты помнишь? —
Дрожащего. За то теперь гоплит
Чудовищный грозит мечом рабыне!
Что ж? Убивай ее... Вы льстивых слов
Из этих уст с царицей не дождетесь...
Для Спарты ты велик, для Трои я,
И, если мы в тисках, не надмевайся:
Удар бы мог и Спарту поразить!

***Андромаху с сыном уводят во дворец.
За ними следует Менелай.***

Стасим второй

Хор

Строфа 1

Нет мира в том доме, где вечно жена
С женою спорит за ложе...
Где дети растут от двух матерей,
Там споры кипят и пылает вражда...
На ложе едином
Единой Кипридой, о муж, насладись!

Антистрофа I

Нет счастья и в землях, где двое владык
Друг с другом царство поделят.
Не легче ль нести единую власть,
Чем иго двойное и смуты напасть?
Не так же ль и Музы

Двух мирных за пальму поссорят певцов⁷?

Строфа II

Когда пловцов несут порывы ветра, —
Два рулевых и два ума рулю
Не придадут отрадного движенья.
Пусть будет много знающих — сильнее
Их одного ум самовластный,
Хоть и менее мудр он; в чертогах и градах
В воле единой народу спасенье.

Антистрофа II

Не такова ль и ты, спартанка, чадо
Атридово? Как пламя, ты палишь
Соперницу из Илиона вместе
С ее птенцом из-за слепой вражды.
Этот порыв злобен, безбожен,
Беззаконен, и как бы тебе, Гермiona,
Каяться в том не пришлось, что свершаешь.

⁷ *Двух мирных за пальму поссорят певцов* — в афинском театре трагики состязались за награду.

Эписодий третий

*Из дворца выводят связанных **Андромаху** и мальчика.*

*Следом выходит **Менелай**.*

Корифей

Уже вот они... вот
В запряжке одной ступили за дверь.
Один приговор над вами висит,
О, горькая мать! О, жалкий птенец!
За брак материнский умрешь ты...
Но в чем же твоя
Вина пред царями, отрок?

Андромаха

Строфа

Глядите – веревкою руки
Изрезаны в кровь, и в мученьях

Под землю схожу я.

Мальчик

С тобою, родная, к крылу
Родимой прижавшись, спускаюсь.

Андромаха

Властители фтийской земли,
Вы жертвы хотели.

Мальчик

Отец,
Приди к нам на помощь... Приди...

Андромаха

Любимый, ты будешь лежать,

Дитя, на груди материнской,
Но мертвый у мертвой во мраке.

Мальчик

Ай... Ай... Что со мною он делает, мать,
Несчастливым? С тобою, родная?

Менелай

Ступайте под землю... От вражьих твердынь
Пришли вы... Но будут две казни
Для вас... И тебя приговор
Мой, женщина, ждать не заставит,
А участь отродья решит Гермiona.
Порой и железом
Угрозу гони из чертога.

Андромаха

Антистрофа

О муж мой, о муж мой! Когда бы
Копьем ты отбил нас... Лишь руку
Простер бы... О Гектор!

Мальчик

О, горький, какую найду
Я песню прогнать этот ужас?

Андромаха

Колени царя обвивай,
Моли его, милый...

Мальчик

О друг!

О друг, пощади... не казни нас...

Андромаха

Из глаз моих слезы бегут —

Источник без солнца, по гладкой

Скале он сбегает... О, мука!

Мальчик

Увы мне! Увы мне! Иль выхода нет?

Иль что же придумать, родная?

Менелай

Чего припадаешь? Скорей бы скалу

Иль волны теперь умолил ты...

Своя нам дороже печаль.
Ты ж жалости в сердце не будишь.
Не дешево мать нам твоя обошлась.
Она лишь виною,
Что сходишь в подземное царство.

Корифей

Но вижу я, что спешные стопы
Сюда Пелей направил престарелый.

Входит Пелей.

Пелей

Скажите мне, подручные, и ты,
Начальник! Что случилось? Отчего
Разруха в этом доме? Что за кара
Творится без суда?.. Остановись,
Спартанский царь! Закону дай дорогу,
А ты живее, раб: минуты праздной
Нет у меня, и никогда еще
О юности так не жалел отважной
И сильной я. О женщина, твои
Забыли паруса о добром ветре;

Но он с тобой опять... Какой судья
Тебя связать велел – и с сыном вместе?
Куда ж ведут тебя, скажи? Овца
С ягненком у сосцов теперь ты точно,
И хоть ни я, ни фтийский царь тебя
Не осуждал, – о женщина, ты гибнешь?

Андромаха

Сам видишь, что меня казнить ведут
И с мальчиком, старик. Слова излишни...
Не раз тебя с мольбою я звала,
И вестников своих не сосчитаю...
А о вражде слышал ты, и за что
Меня спартанка губит – тоже знаешь.
От алтаря Фетиды, что тобою
Так нежно чтима, царь, и благородным
Украсила твой дом рождением, я
Отторгнута, суда же надо мною
Здесь не было, и вас не ожидали.
Ведь я одна, как видишь, где же мне
Ребенка-то отбить от них, – ну вот,
Чего же им тут медлить! И дитя ведь
Со мной казнить решили заодно.
О, я молю тебя, старик, к коленям
Твоим припав, – коснуться бороды
Я не могу. Ради богов, спаси нас...

Мне смерть – несчастье только, вам – позор.

Пелей

(рабам)

Гей, узы снять с нее, куда плакать
Вам не пришлось самим. И пусть Рабыня
Свой разведет свободно складень рук.

Менелай

(им же)

Ни с места, вы... Тебя я не слабее
И более над ней я господин...

Пелей

Как? Разве в дом ты мой переселился?

Тебе и Спарта кажется тесна?

Менелай

Я пленницей троянку эту сделал.

Пелей

Но получил по дележу мой внук...

Менелай

Имущества мы с ним, старик, не делим.

Пелей

Для добрых дел. Но ты казнишь ее.

Менелай

Из рук моих ты все ж ее не вырвешь.

Пелей

Но шлем тебе я кровью оболью.

Менелай

Что ж? Подойди, пожалуй, попытайся.

Пелей

С угрозами туда же... человек
Из жалких самый жалкий... Или слово
Меж эллинов имеешь ты с тех пор,
Как уступил фригийцу ложе? Царский
Покинуть дом открытым, без рабов,
И на кого ж? Добро бы, твой очаг

Стыдливая супруга охраняла...
А то на тварь последнюю... А впрочем,
Спартанке как и скромной быть, когда
С девичества, покинув терем, делит
Она палестру с юношей, и пеплос
Ей бедра обнажает на бегах...
Невыносимо это... Мудрено ль,
Что вы распутных растите? Елену
Об этом бы спросить, что, свой очаг
И брачные забывши чары, точно
Безумная вакханка, отдалась
И увезти дала себя мальчишке.
Но пусть она... Как ты из-за нее
Элладу всю на Трою поднял? Разве
Порочная движения копья
Единого хоть стоила? Презреньем
Ее уход покрыл бы я; скорей
Я б золота в приданое за нею
Не пожалел, чтобы навеки дом
Освободить от жен таких. Но этой
Благоразумной мысли, царь, к тебе
Не заносил счастливый ветер в душу...
О, сколько жизней ты скосил, и женщин
Осиротил преклонных, скольких отнял
У старости серебряной, увы,
Божественных детей ее, спартанец!
Перед тобой стоит отец... Да, кровь
Ахиллова с тебя еще не смыта.
А на самом царапины ведь нет,

И дивные твои доспехи, воин,
В прекрасных их футлярах ты назад
Таковыми же привез, какими принял.
Когда жениться внук задумал, я
Родства с тобой боялся и отродья
Порочного у очага: на дочь
Идет бесславье матери... Глядите ж,
О женихи, на корень, не на плод...
Не ты ль, увы! – и замысел преступный
Тот нашептал родному брату – дочь
Казнить⁸, – что за безумье!.. Все дрожал,
Жену бы как вернуть не помешали...
А дальше что? Ты Трою взял... Жена
В твоих руках... Что ж? Ты казнил ее?
Ты нежные едва увидел перси,
И меч из рук упал... Ты целовать
Изменницу не постыдился, – псицу,
Осиленный Кипридой, гладить начал.
А следом в дом детей моих, когда
Их нет, являться смеешь и, бесчестно
На женщину несчастную напав,
Казнить горишь ее с ребенком. Знай же,
Что мальчик этот, будь рождением он
Хоть трижды незаконный, Гермionу
В чертоге и тебя вопить заставит,
Коль до него коснешься... Иногда
И для семян сухая нива лучше,

⁸ *Дочь казнить* – см. “Ифигения в Авлиде”.

Чем жирная. Так и побочный сын
Законного достойней зачастую.
Возьми ж обратно дочь свою. Милее
И бедный сват, да честный, вас – порочных,
Хоть золотых мешков... А ты – ничто...

Корифей

От малой искры часто до пожара
Людей язык доводит. Оттого
С родными в спор и не вступает мудрый.

Менелай

Кто стариков, особенно иных,
Меж эллинов расславил мудрость, верно,
Был не знаком с тобою, о Пелей...
Ты, сын отца великого, со мною
Соединен свойством – и поднял спор,
Обидный мне и для тебя позорный,
Из-за жены... Да и какой!.. О том
Подумал ли? Ей и за ложем Нила,
За Фасисом⁹ нет места ей – другой

⁹ *Фасис* – река на Кавказе.

Благодарил меня бы, – уроженке
Той Азии, где столько мертвых тел
Пригвождено к земле сынов Эллады!
К тому же кровь Ахиллова на ней:
Был Гектору, ее супругу, брат
Родной Парис, что сына твоего
Стрелой убил. Ты ж осенять дерзаешь
Ее своею кровлей и за стол
Сажаешь свой; в старинном доме этом
Она детей рождает, – и растут
Ахейские враги. За нас обоих
Соображал я, старец, коль ее
Казнить хотел. Зачем же мне мешаешь?
От слова ведь не станется: постой...
Пусть дочь бесплодна будет, а у этой
Родятся сыновья. Ужель царить
Ты варварам в Элладе дашь? И вывод
Такой, что я безумец, коль неправду
Преследую, а ты умен... Затем
И это взвесь. Допустим, дочь свою ты
За гражданина выдал, он же с ней
Так поступил, как вот с моей – твой внук;
Сидел бы молча ты? Навряд ли! Я же
Не трогаю его, а только с ней,
С разлучницей и с варваркой, считаюсь;
И ты такой на свойственника крик
Поднять изволил? А ведь от обид
И женщине бывает больно. Мужу
В хоромах смерть – гулящая жена;

Ну, а супруге каково? У мужа
Своя рука – владыка; для нее же
Одна защита – братья и отец.
Так вот и я за дочь свою вступился;
И это – грех? Ах, стар ты, стар, Пелей!
Затем, поход ты мой поносишь. Славу
Стяжал я им бессмертную. Несчастье
Еленино – вина одних богов...
И ты забыл о пользе для Эллады...
В оружии, да и в боях сперва
Что смыслили и чем потом мы стали?..
Без опыта научишь ли кого?
Что ж до того, что я, жену увидев,
Не захотел убить ее, то ум
Я обнаружил этим только... лучше
И ты бы Фока, царь, не убивал¹⁰.
Из дружелюбья, не остыды ради
Тебе ответил я... Пусть пыл сердечный
И гневные слова – твой арсенал...
Одним я горд – спокойным рассуждением.

Корифей

Покиньте же – исхода лучше нет —

¹⁰ *И ты бы Фока, царь, не убивал* – Пелей в молодости убил своего сводного брата Фока.

Вы спор пустой, иль вас вина сравнивает!

Пелей

Как ложен суд толпы! Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один себе хвалу берет.
И пусть одно из мириады копий
Он потрясал и делал то, что все,
Но на устах его лишь имя. Гордо
И мирные цари сидят в советах:
Их головы вздымаются меж граждан,
Хоть и ничтожны души. А у тех
Неизмеримо более ума;
Все дело лишь в желанье и отваге.
Речь здесь о вас, Атриды. После Трои,
Исполнив роль стратегов, над толпой,
Как гребнем, вы подняты, надмеваясь
Трудами и страданиями солдат.
Но, коль не хочешь увидеть в Пелее
Врага опасней, чем Парис, тебе
Советую оставить эти стены,
Да поскорей. С собой и дочь бери
Бесплодную: от нашей крови царской
Рожденный внук, взяв за косу ее,

Не вывел бы, гляди. Любуйся, видишь,
Негодною телицей: что сама
Родить не может, так не смей другая
Телят носить. А что ж, прикажешь нам
И умирать бездетными, – коль жребий
Не балует ее?.. А вы теперь
Ступайте прочь. Желал бы я взглянуть,
Кто развязать ее мне помешает.
Встань, женщина. Мои – нетверды руки,
Но узел твой распутают. Во что
Ты обратил ей руки, жалкий: точно
Быка иль льва ты петлею давил.
Иль, может быть, боялся ты, что меч
Она возьмет в защиту?.. Подсоби мне,
Дитя, ее распутать. Воспитаю
Во Фтии я тебя на страх таким,
Как этот царь. О, если бы не слава
Военной силы, Спарта, – в остальном
Подавно ты последняя на свете...

Корифей

Вольноязычен старцев род; а раз
Гнев охватил его, он безудержен.

Менелай

До брани ты унизиться готов.
Ну что ж, во Фтии гость я; не хочу
Ни обижать, ни выносить обиды...
К тому же нам и недосуг: домой
Меня зовут. Соседний Спарте город,
Доселе ей союзный, на нее
Восстал, и мне приходится войною
Его смирять. Я ворочусь, когда
Улажу это дело, чтобы с зятем
Поговорить открыто: он свои
Желания предъявит, но и наши,
Я думаю, захочет услышать.
И если он, почтив меня, рабыню
Свою накажет – будет сам почтен;
А встретить я гнев – такой же, может быть,
И он расчет получит свой: делами
И я отвечу на его дела.
Твое ж меня не трогает усердье:
Ты – тень бессильная, которой голос
Оставлен, но и только. Говорить —
На это лишь Пелея и хватает...

Уходит.

Пелей

(мальчику)

Иди сюда, дитя мое, – тебе
Моя рука оградой будет...

(Андромахе.)

Ты же,
Несчастливая, не бойся... Бури нет
Вокруг тебя. Ты в гавани, за ветром...

Андромаха

О старец, пусть бессмертные тебе
Заплатят за спасение ребенка
И за меня, несчастную. Но все ж
Остерегись засады – как бы силой
Не увлекли опять меня: ты стар,
Я женщина, а это – слабый мальчик,

Хоть нас и трое. Мы порвали сеть,
Да как бы нам в другую не попасться!..

Пелей

Удержишь ли ты женский свой язык
С его трусливой речью!.. Подвигайся!
Кто тронет вас, и сам не будет рад:
Ведь милостью богов еще мы здесь
И конницу имеем и гоплитов,
Да постоим и сами. Иль такой
Уж дряхлый я, ты думаешь? Добро бы
Был сильный враг, а этот – поглядеть,
И ставь над ним трофей, хоть ты и старец.
О, если есть отвага в ком, тому
И старость не помеха. Молодые ж,
Да робкие, – что крепость их, жена!

Уходят в дом.

Стасим третий

Хор

Строфа

Иль не родиться,
Иль благородного сыном отца
В доме вельможном родиться желай.
Лучше не жить
Вовсе на свете незнатным,
В бедности солнца лучше не видеть:
Если пристигнет нужда
Доброго, в силе природной
Он имеет опору.
Кто от достойных предков,
Слава того не смолкнет.
Даже останки
Добрых лелеет время:
Их и на гробе
Светочем доблесть сияет.

Антистрофа

Даже победы,
Если победа бесславит тебя,
Лучше не надо; насильем вотще,
Или же завистью, муж
Правду свергает. Недолго
Сладость победы длится:
Скоро цветок завянет,
Ляжет на грудь он камнем...
Ты лишь любя нам,
Правая сила в браке,
Правая в людях;
В жизни иной нам не надо.

Эпод

О старик Эакид!
Верю теперь я – точно,
Славный копьем,
Ты ходил на кентавров
В сонмах лапифов, старец...
Верю – тебя носила,
Точно, ладья бесстрашных,

И за руно златое —
Верю – изрезал дерзко
Море, старик, ты, где остров
С островом волны сшибают;
Ты и с чадом Кронида
Под Илион
Вместе ходил, чтоб Европу
Светлой украсить добычей.

Эписодий четвертый

Из дворца выбегает кормилица.

Кормилица

Ой женщины, ой милые, что бед!
Одну сожнешь – гляди: другая спеет...
В чертогах госпожа моя¹¹ – я вам
О Гермионе говорю, – увидя,
Что брошена отцом, в раздумье впала;
Что скажет муж, она боялась, видно,
О дерзости узнав ее: поди ж,
Придумала-то что: казнить рабу,
Да и с ее приплодом. Тут изгнание
И даже меч грозит, пожалуй. Веришь,
Насилу вынули из петли, нож
У ней теперь рабы там отнимают,
С несчастной глаз не спустят. Варом сердце
Раскаянье ей залило, а ум
С недавних бед нейдет. Что было силы,
Все извела, чтоб оттащить ее
От петли я. Теперь подите вы,

¹¹ В чертогах госпожа моя – Гермионе следовало покончить с собой (как это сделала, например, Федра), и первые слова Кормилицы вызывают именно такое ожидание.

Попробуйте помочь: бывает, старых
И слушать-то друзей мы не хотим,
А новые придут, – и уступаем.

Корифей

Да, там рабы действительно вопят
С твоим согласно, женщина, рассказом;
Но, кажется, несчастная сама
Покажет нам сейчас весь ужас, жены,
Преступной совести: от слуг ее
Желанье смерти гонит из чертога.

Входит Гермiona.

Гермиона

Строфа I

Увы мне! Увы мне!
Я волосы вырву, а ногти
Пусть кожу терзают, увы!

Кормилица

Уродовать себя... о, перестань.

Гермиона

Антистрофа I

Ох-ох... Ай-ай...

Долой, фата... Прочь с головы,

Ты нежная... О, косы...

Кормилица

Да подвяжи ж хоть пеплос... Грудь закрой...

Гермиона

Строфа II

Что закрывать пеплосом грудь?
Все на виду,
Чем оскорбила я мужа;
Солнцем горит, не утаишь.

Кормилица

Сопернице сработав саван, страждешь?

Гермиона

Антистрофа II

Да, ранено сердце дерзаньем...
Безумную гордость
Проклятье, проклятье людей задавило.

Кормилица

Вину тебе простит Неоптолем.

Гермиона

Эпод

О, где ж затаили вы острый булат?
Дай меч мне и к сердцу приблизь.
Из петли зачем вынимала?

Кормилица

Что ж, дать тебе повеситься, безумной?

Гермиона

Увы! О смерть! О ночь!
Ты, молния, ты, дивная, пади!
Вы киньте, вихри, меня на скалы
В широком море, в лесу пустынном,
Где только мертвых витают тени.

Кормилица

Зачем себя так мучить? Боги нас
Теперь, когда ль, а всех доймут бедою.

Гермиона

Одну, отец, одну ты покинул
Меня, как ладью¹²
Без весел на песке прибрежном...
Сгубил ты, сгубил меня, о отец.
Под мужнею кровлей
Мне больше не жить...
О, где я найду еще изваянье
Богиню молить?
Иль рабыней рабыни колени обнять мне?

¹² *Как ладью* – образ гонимого бурей корабля, который сначала применялся к Андромaxe, теперь переходит на Гермиону.

О нет... О, когда бы
Мне сизые крылья, и птицей
Отсюда умчаться,
Иль зыбкою елью¹³
На волнах качаться,
Как первый пловец,
В расплыв Симплегад занесенный!

Кормилица

Дитя мое, мне трудно похвалить
С троянкою твои поступки. Все же
И этот страх излишний нехорош...
Не так легко, поверь мне, твой супруг
Тебя отвергнет, убежден устами
Коварными и чуждыми. Ведь ты
Не пленница троянская, а знатной
Семьи дитя, с приданым ты взята,
И город твой меж пышных не последний.
Иль думаешь, отец бы потерпел
Изгнание твое? Войди ж в дворец.
Тебе негоже пред чертогом медлить:
Еще увидят – могут пристыдить.

¹³ *Иль зыбкою елью* (точнее, сосной) – корабль “Арго”, первым проскочивший через *Симплегады*, был сделан из сосны.

Эписодий пятый

Входит Орест.

Корифей

Глядите: путник, сестры, к нам; чужой
Он, кажется, и шаг его поспешен.

Орест

Скажите, чужестранки, – это кров
Рожденного Ахиллом и палаты
Царей земли, должно быть, фтийской? Да?

Корифей

Ты назвал их. Но кто же вопрошает?

Орест

Атрида я и Клитемнестры сын,
А именем Орест, и путь лежит мой
К додонскому оракулу¹⁴. Узнать
Горю, жена, достигнув Фтии вашей,
Что сталося с сестрой моей: жива ль
И счастлива ль спартанка Гермiona?
Ее полей не видно из жилья
Орестова, но все ж сестру люблю я.

Гермиона

Сын Агамемнона! В разгуле бурь
Ты кораблю мелькающая гавань...
О, пожалей меня... О, погляди,
Как я несчастна... Эти руки, точно
Молящих ветви, обвились, Орест,
Вокруг колен твоих с тоской и верой.

¹⁴ К додонскому оракулу – в Додоне гадали по шороху посвященного Зевсу дуба.

Орест

(невольно отступая)

Ба...

Что вижу я... Обман очей?.. Иль точно
Спартанская царица предо мной?

Гермиона

(не вставая)

У матери одна, и Тиндаридой
Еленою рожденная... О да!

Орест

Целитель Феб да разрешит твой узел...
Но терпишь ты от смертных иль богов?

Гермиона

И от себя, и от владыки-мужа,
И от богов, и отовсюду – смерть...

Орест

Детей еще ты не рождала; значит,
Причиною страданий только муж?

Гермиона

Ты угадал и вызвал на признание...

Орест

Он изменил тебе... Но для кого ж?

Гермиона

Для пленницы, для ложа Приамида.

Орест

Что говоришь? Иметь двух жен?.. О, стыд!

Гермиона

Но это так. Я захотела мщенья...

Орест

И женского, конечно, как жена?

Гермиона

Убить ее горела, и с приплодом...

Орест

Что ж, удалось? Иль боги их спасли?

Гермиона

Старик Пелей почтил злодеев этих.

Орест

Но кто-нибудь с тобою тоже был?

Гермиона

Да, мой отец, – его я вызывала.

Орест

И старому он, видно, уступил?

Гермиона

Стыду скорей. Но он меня покинул.

Орест

Так... Так... Теперь боишься мужа ты.

Гермиона

Да, он убьет меня, и будет прав.
И что скажу?.. Нет, умоляю Зевсом
Тебя я, предком, нашим: только здесь
Не оставляй меня... Как можно дальше
Меня возьми отсюда. Вопиять,
Мне кажется, готовы даже стены

Против меня... Иль даром ненавидит
Нас этот край? И если только муж
Застанет нас, придя из Дельфов, – жить
Не долго мне. А то так опозорить
Вчерашним нас рабыням он отдаст
И ложе стлать заставит Андромаче...
Но, может быть, ты спросишь: этот грех,
Как он созрел? Мне жены нашептали,
Покою не давали мне уста
Коварные: “Да как ты терпишь это?
Какая-то рабыня, чуть не вещь,
И с ней ты мужа делишь? Герой, нашей
Владычицей, клянусь, что у меня
В чертогах бы не жить ей, коль на ласки б
Законные решилась посягнуть”.
Словам сирен внимала я и, этой
Лукавой сетью их ослеплена,
Дорогу потеряла. А чего
Мне, кажется, недоставало? Мужа,
Вишь, сторожить задумала. У нас ли
Не золото? Не царство? А пошли
Мне бог детей, они – цари; отродье ж
Троянкино – моим почти рабы...
Нет, никогда, о, никогда, готова
Сто раз я повторить, не должен муж,
Коль разума он не лишен, гостей
К жене пускать из женщин... Нехорошим
Они делам научат молодую.
Ту в счастья гордыня обуяла;

У той – разлад, и хочется найти
Товарку ей в несчастьи; те просто
В дела чужие вмешиваться любят.
От этого и в семьях нелады...
Решетками ль, засовами ль, искусством,
Но охранять нас надо... Нет добра
От наших посетительниц, лишь горе!

Корифей

Ты распустила слишком свой язык
И, женщина, на женщин. Гнев понятен
Отчасти твой... Но так чернить недуг,
Коль он в природе женской, не тебе же.

Орест

Мудрец то был, кто смертным наказал
В чужих делах лишь очевидцам верить.
Я раньше знал, что не добро у вас,
И про вражду твою с троянкой слышал
И зорко я следил, смиришься ль ты
Иль с пленницей покончишь и отсюда
Отчалить пожелаешь, в страхе мужа.

И вот я здесь, жена... не потому,
Чтоб приглашала ты меня. Я думал:
Тебя увижу я, желанья слово
Слетит невольно с уст – оно ж слетело, —
И увезу тебя. Ведь ты – моя,
А если с ним живешь ты – тут отец
Виною твой безвольный... Обручил
Он нас с тобой задолго до похода,
Но изменил, чтоб обещать тебя
Ахиллову отродью, если Трои
Разрушит он. Когда вернулся сын
Пелидов, я, оставив Менелая.
К сопернику пошел; я умолял,
Чтоб от тебя он отказался. “Надо, —
Я говорил, – жениться на своей
Оресту, где иначе ложе сыщет?
И счастье, – я сказал ему, – и дом
Изгнаннику закрыты”. Но, глумясь,
Он укорял меня, что я палач,
Убийца матери и что добыча
Дев-мстительниц с кровавым взором я.
Придавленный домашнею бедой,
Страдал я молча, хоть и горько было
Мне потерять тебя... и я ушел...
Но жребий твой теперь переменялся,
И терпишь ты... Я увожу тебя
И передам отцу о Гермione.
Ведь узы крови властны; ничего
В беде нет лучше друга и родного.

Гермиона

В руках отца мой брак – не мне решать,
С кем разделю его... Но все ж не медли,
Возьми меня отсюда. Неравно
Вернется муж, – или Пелей, разведав
Про мой побег, погоню снарядит.

Орест

Иль старика бояться? А Пелидов
Не страшен сын. Обид я не забыл,
И он теперь такой опутан петлей
Из этих рук, что разве смерть одна
Распутает ее. Тебе не буду
Рассказывать заранее. Но высь
Дельфийская увидит месть готовой...
Мои друзья коль слово сдержат, там
От матереубийцы он узнает,
Что заключил с его невестой брак
Не должный он. То мщенье, о котором
За смерть отца он к Фебу вопиял,
Откликнется ему. Дельфийца даже

Раскаянье не тронет, и царя
Накажет бог... И по его он воле,
И от коварных слухов, мною там
Распущенных, погибнет злою смертью —
Мучитель твой. Его я научу
Не презирать моей вражды. А боги
Своим врагам гордыни не спускают:
Они дотла их разрушают дом.

*Уходит и уводит **Гермиону**.*

Стасим четвертый

Хор

Строфа I

О Феб Не ты ли сложил
На холме крепкозданную Трою?
И не ты ль, чтоб создать Илион,
Царь морей, взбороздивши пучину,
Утомил голубых кобылиц?
О, зачем же Аресу копыя
Промыслителю, дали строенье
Вы свое разрушить и Трою
Погубить, несчастную Трою?

Антистрофа I

Не вы ль, о боги, на брег
Симоента¹⁵ без счету послали

¹⁵ Симоент – река под Троей.

На жестокую брань колесниц
Безвенечных побед¹⁶?.. О, зачем же
Вы погибнуть давали царям
И в обитель Аида сходить
С колесниц илионских?.. И в Трое
Алтари пылать и дымиться,
Алтари зачем перестали?

Строфа II

Женою зарезан могучий Атрид,
А жена за это узрела
Дорогих кровавые руки...
И бога... и бога то было в узорном¹⁷
Вещанье веленье, чтоб мать,
Из Дельфов вернувшись, рожденный
Атридом, зарезал... О бог!
О бог Аполлон
Великий, ужель это правда?

¹⁶ *Колесниц безвенечных побед* – то есть боевых, в отличие от спортивных, получающих венки на состязаниях.

¹⁷ *В узорном* – эпитет добавлен переводчиком. Приказ Оресту отнюдь не был “загадочным оракулом”.

Антистрофа II

По градам и весям Эллады звучат
Матерей тяжелые стоны,
И на ложе дальнее вражье
С плачевною песнью ложится рабыня.
Одна ли ты в муках, жена?
Вся терпит Эллада, вся терпит:
На злачные нивы ее
Аид напустил,
Аид свою черную бурю...

Эксод

Выходит Пелей.

Пелей

К вам, уроженки Фтии, за ответом
Я прихожу. До нас неясный слух
Дошел, что дом оставила царица,
Спартанца дочь. Я тороплюсь узнать,
То правда ли. Когда друзья в отъезде,
Нам хлопотать приходится, коль дом

Случайности какие посещают.

Корифей

Твой верен слух, Пелей, и нам нельзя
О бедствии молчать; да и не скроешь,
Что нет хозяйки в доме, коль бежала.

Пелей

Из-за чего ж? Подробней объясни.

Корифей

Она боялась мужа и изгнания.

Пелей

Что сыну казнь готовила, за то?

Корифей

И пленнице его, Пелей, троянской.

Пелей

С отцом иль с кем оставила чертог?

Корифей

Ее увез отсюда сын Атрида.

Пелей

На что же он надеялся? На брак?

Корифей

На брак, и смерть сулил Неоптолему

Пелей

Что ж, ковами? Или в бою сулил?

Корифей

В святилище, с дельфийцами в союзе.

Пелей

Увы... предел то ужаса... Живей
Ступайте кто-нибудь! Где огонь очажный
Пылает у дельфийца, там своих
Отыщите и об угрозе гнусной
Скажите им, пока Ахиллов сын
От вражеской не пал еще десницы.

*Входит **вестник**.*

Вестник

О, горе мне! О, горе нам!
О старец! Зол тот жребий, что тебе
Поведать я несу и слугам царским.

Пелей

Ой!.. Ой!.. Тоскует сердце – мой вещун.

Вестник

Нет у тебя, чтоб разом кончить, внука,
О царь Пелей! Изранили страдальца
Мужи-дельфийцы и микенский гость.

Корифей

О, что с тобой, старик... Ты зашатался...
Но поддержишь!

Пелей

Пелея больше нет,
Нет голоса, и в землю сходит тело...

Вестник

Все ж выслушай. Коль хочешь отомстить
За павшего, не надо падать духом.

Пелей

О, жребий! На последних ступенях
Той лестницы¹⁸, которую прошел я,
В железные объятия твои
Я вновь попал. Скажи, как умер сына
Единого единый сын, мой внук?
И тяжелы слова, а слов я жажду.

¹⁸ *На последних ступенях... лестницы* – образ, конечно, не греческий.
В подлиннике: “У последних рубежей старости”.

Вестник

Три золотых пути на небесах
Уж совершило солнце, – все насытить
Мы не могли жилищем Феба глаз...
А в воздухе уж подозренья спели,
И жители священной той земли
То здесь, то там кругами собирались.
Их обходил Атридов сын, и речь
Враждебную шептал поочередно
Дельфийцам он: “Смотрите, – говорил, —
Не странно ли, что этот муж вторично
Является и злата полный храм,
Сокровища вселенной, вновь обходит?
Он был тогда, поверьте, и теперь
Затем лишь здесь он, чтоб ограбить бога”.
И шепот злой по городу пошел.
Старейшины поспешно совещаенье
Устроили, и те, кому надзор
Принадлежал над храмом, в колоннадах
Расставили особых сторожей.
Мы между тем овец, в парнасских¹⁹ рощах
Упитанных, не ведая грозы,
Перед собой пустив, очаг пифийский
Толпою обступили – и друзья

¹⁹ *Парнас* – гора над Дельфами.

Дельфийские тут были, и волхвов
Сонм Фебовых. Из них в то время кто-то
Царя спросил: “О юноша, о чем
Мы для тебя молить должны? Какое
Желание ведет тебя?” А царь
Ответил им: “Я заплатить явился
За старую ошибку; бога я
К ответу звал за смерть отца – и каюсь”.
Тогда открылось нам, чего Орест
Коварною своей добился речью
О замыслах Неоптолема злых.
Наш господин – уж жертва догорала —
Переступил порог высокий храма,
Чтоб помолиться Фебу пред самым
Священным прорицалищем. Но, тенью
Прикрытая лавровой, там толпа
С мечами затаилась, и Орест
Среди нее, как дух... И вот, покуда,
Перед лицом божественным молясь,
Склонялся царь, отточенную сталью
Его мечи незримые разят,
Кольчугой не покрытого. Отпрянул,
Но не упал Неоптолем от ран.
Схватился он за меч, а щит срывает
С гвоздя колонны ближней. Грозный вид
Алтарное тогда открыло пламя.
Дельфийцам же он возопил: “За что ж
Священною пришедшего стезею
Хотите вы убить? Вина какая

На нем, о люди?” Но на звук речей
Ему ответил только град камней...
Их без числа тут было – ни один
Губ не разжал. Своим доспехом тяжким,
Его вращая ловко, господин
Оберегал себя. Но следом стрелы,
И вертела, и дротики, в ремнях
И без ремней снаряды, дети смерти,
К его ногам посыпались, старик...
О, если бы ты видел танец бурный²⁰,
В котором царь спасения искал!..
А было их все больше; вот уж тесным
Охваченный кольцом, казалось, царь
Дыхание терял. И вдруг безумный —
От алтаря, где тук его овец
Тогда пылал – троянским он прыжком²¹
Врезается в толпу своих злодеев.
Что голуби пред ястребом, враги
Рассеялись... Немало царский меч
Их уложил, да и друг друга часто
Они сбивали с ног в проходах узких
И кучами лежали. Тут проклятья
И крики зверские слышал храм
И скалы вокруг. И, наконец, на волю
Царь вырвался, доспехами сверкая.

²⁰ *Танец бурный* – пиррихий, военная пляска.

²¹ *Троянским прыжком* – смысл выражения не совсем понятен. “Так, как научился в боях под Троей?” или: “Как метались перед смертью троянцы?”

Но вот из глубины чертога голос,
Вселяя в сердце ужас, зазвучал
Угрозою – он пламенем дельфийцев
Воинственным наполнил и на бой
Их воротил... Тут пал и сын Пелида,
Сраженный в бок железным острием...
Дельфиец был его убийцей, только
Он не один его убил... О нет...
Простертого ж на землю кто, отважный,
Иль камнем, иль мечом, иль подойдя,
Иль издали, – кто мертвого не тронул?
Ах, тело все прекрасное его
Изрублено: оно – сплошная рана.
Близ алтаря лежащего, они
Его извергли из ограды храма;
Мы, наскоро забрав его, тебе
Для слез, старик, и воплей, и убора
Могильного приносим. Этот ужас
Явил нам бог²², который судит нас,
Грядущее вещает, грех карает;
Так поступил – с Ахилла сыном он,
Пришедшим к очагу его с повинной.
Как человек, и злой, припомнил Феб
Обиды старые... и это мудрость?

Показывается процессия с покрытым телом

²² Этот ужас явил нам бог – Аполлон оказывается ничем не лучше других “даймонов” – Афродиты, Диониса, Ареса.

Корифей

Вот и царь... но, увы! Он не сам
Из дельфийской земли
На родимые нивы ступает.
На руках он лежит, как добыча,
Бесталаный... И оба вы горьки.
Так ли думал, старик, ты встретить
Молодого царя? О, увы! Вас один
Удар поразил,
И бездна несчастья глотает...

Пелей

Строфа I

Горе мне... Ужас какой
К дому подходит, в ворота стучится!
Увы мне! Увы!
О, град фессалийский! Погиб я,

Исчез я... Я куст обгорелый²³,
Один и бесплоден...
О, мука!.. Отраду какую
Лучами я глаз обовью?
Вы, милые губы... ланиты и руки!
О, лучше бы вас заморозила смерть
На бреге Скамандра...

Корифей

Да, мог добыть он смерть славнее этой,
И ты бы был счастливее, старик.

Пелей

Антистрофа I

Проклят да будешь ты, брак,
Семью сгубивший и царство... о, проклят!
Увы мне, дитя!
Зачем было с родом зловещим
Детей сопрягать нам, и смертью

²³ *Куст обгорелый* – метафора переводчика.

Одеть²⁴ Гермione
Я дал нас зачем? О, пускай бы
Перун ее раньше сразил!
О, лучше бы в теле отцовском кровавой
Ты богу стрелы, вопия, не сулил²⁵:
С бессмертным не спорят.

Хор

Строфа II

Ой, лихо мне, ой, смерть моя, ой-ой...
Обряду верная, почившего встречаю.

Пелей

Ой, лихо мне, ой, смерть моя, ой-ой...

²⁴ *Смертью* (в подлиннике: “Аидом”) *одеть* – образ, восходящий к Эсхилу, а может быть, и к древнейшим представлениям о смерти – одежде.

²⁵ *Ты богу стрелы... не сулил* – в подлиннике: “Не попрекал бы бога стрелой (поразившей) отца”.

Вдвойне за стариков и горьких²⁶ отвечаю.

Корифей

То – божия судьба... то – божья воля.

Пелей

О дитяtko... О, на кого ты дом оставил?
И старика бездетного и жалкого кому
Ты поручил?

Корифей

Да, умереть тебе бы раньше внуков...

²⁶ *За стариков и горьких* – “горькими” в этой трагедии были пленники, женщины, дети, безвременно погибшие. Еврипид сумел собрать в одной драме чуть ли не все виды несчастий.

Пелей

Волосы ты терзай себе,
Жалкий старик!
Для головы не жалея
Тяжких ударов... О, город, о, город!
Двое детей и Фебом убитых...

Хор

Антистрофа II

Ты испытал и видел столько мук,
Тебя, старик, теперь и солнце не согреет.

Пелей

Я сына схоронил, и вот – мой внук:
Мне муки горькие один Аид развеет...

Корифей

С богиней брак тебе не скрасил жизни.

Пелей

Те гордые надежды где? Они далеко,
И с ними счастье Пелеево – увы! – в земле
Погребено.

Корифей

Ты ж одинок и в одиноком доме.

Пелей

Нет тебя, царство, нет тебя!
Ты же зачем,
Скипетра бремя? Прочь!
В сумрачном гроте проснись, Нереида:

Мужа, богиня, гибель ты узришь...

Корифей

Как воздух дрожит... Что это движется там?
Божество? О сестры, глядите:
В белом эфире плывет...
Вот на поля, отраду коней,
Тихо ступает, сестры.

В вышине появляется Фетида.

Фетида

Внемли, Пелей! В воспоминанье брака
Оставила чертог Нереев я
И прихожу к тебе. Ты полон муки,
Но унывать не надо. Мне ль не радость
Сулили боги от детей моих?
А где ж та радость? Разве хоронить
Мне не пришлось – крылатыми стопами
Прославленного сына и звезду
Меж юношей Эллады? Ты же слушай,
Зачем к тебе пришла я. К алтарю
Дельфийскому пошли ты это тело...

Пусть будет гроб Ахиллова птенца
Укором для дельфийцев, и известно
Да будет всем, что пал он от руки
Орестовой. А пленницу, – ты понял,
Что Андромаху так зову, – пошли
В молосские пределы, обручивши
С Геленом²⁷ там; дитя ее теперь —
Последний Эакид²⁸, но не угаснет
Молосский род его и славен будет...
И ты, старик, не бойся: кровь твоя
От нас не оскудеет, вечно жить ей,
Как Илион богами не забыт,
Хоть злобою Паллады и разрушен.
Тебя ж, Пелей, чтоб радость ты познал
Божественной невесты, от печали
Освободив юдольной, сотворю
Нетленным я и смерти неподвластным:
Ты будешь жить в Нереевом дому
Со мной, как бог с богинею. Оттуда ж,
Не оросив сандалий, выйдешь ты,
Чтоб посетить на острове Ахилла:
На Белом берегу его чертог²⁹

²⁷ *Гелен* – единственный уцелевший из сыновей Приама, прорицатель, уговаривавший сограждан вернуть Елену грекам. За это он был пощажен после захвата города.

²⁸ *Последний Эакид* – от этого мальчика происходил род македонских царей, в том числе – в будущем – Александр.

²⁹ *На Белом берегу его чертог* — позднее сказание сделало Ахилла бессмертным и поселило на острове Белом (Левка, возможно,

Евксинскими омыт волнами, старец.
Ты мертвого немедля снаряди,
Пелей, в дельфийский город богозданный,
А схоронив его, приди и сядь
В глубокий грот на мысе Сепиады
Старинном; там меня ты ожидай.
Приду туда в веселом хороводе
Я за тобой, старик. А что судьба
Назначила, неси: то – Зевса воля.
И по умершем прекрати печаль:
Богами всем один назначен жребий³⁰,
И каждый там читает – ты умрешь.
Исчезает.

Пелей

Владычица... О дочь Нерея... Слава
Моя... Моя невеста... Здравствуй, радость!
Ты сделала достойное тебя,
Достойное рожденного тобою,
О, плакать я забуду, и твои
Мне дороги слова. Похоронивши
Почившего, к пещерам я пойду
У Пелия, где обнял я, богиня,

нынешний о-в Фидониси). В некоторых вариантах мифа он обитает на Элисейских полях.

³⁰ *Назначен жребий* — “вынесен приговор суда”.

Твой дивный стан... О, как бессмыслен тот,
Кто ищет жен богатых! Благородных
Ищите жен для сыновей, и в дом
Лишь честный дочь отдать ты должен, если
Не хочешь горя ты. Худой жены,
Хотя бы златом весь твой дом покрылся,
Не должен ты желать. И если б все
Так рассуждать могли, то не пришлось бы
И гнева нам бессмертных трепетать.

Уходит.

Хор

(покидая оркестру)

Многовидны явления божественных сил,
Против чаянья много решают они:
Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами.